

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

КНИГИ ЛУИЗЫ ПЕННИ
О СТАРШЕМ ИНСПЕКТОРЕ
АРМАНЕ ГАМАШЕ:

Убийственно тихая жизнь

•

Смертельный холод

•

Самый жестокий месяц

•

Каменный убийца

•

Жестокие слова

•

Хороните своих мертвецов

•

Разные оттенки смерти

•

Эта прекрасная тайна

•

Время предательства

•

Долгий путь домой

ЛУИЗА
ПЕННИ

Долгий путь
домой

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Кан)-44
П 25

Louise Penny
THE LONG WAY HOME
Copyright © 2014 by Three Pines Creations, Inc.
All rights reserved

Перевод с английского Григория Крылова
Оформление обложки Сергея Шикина
Иллюстрация на обложке Екатерины Платоновой

ISBN 978-5-389-15001-0

© Г. А. Крылов, перевод, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

*Посвящается Майклу,
удивленному радостью*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Приближаясь к нему, Клара Морроу спрашивала себя, повторит ли он тот маленький ритуал, который проделывал каждое утро.

Ритуал столь незначительный, столь ничтожный. Его так легко было не заметить. В первый раз.

Но почему Арман Гамаш повторял его?

Клара чувствовала себя идиоткой уже потому, что думала об этом. О чем тут вообще можно думать? Однако она знала Гамаша как человека, не склонного к таинственности, и его жест казался ей не просто малозаметным, а намеренно скрытым. Некое благое деяние, прячущееся в тень.

И при этом Арман Гамаш сидел в ярком свете нового дня на скамье, недавно сделанной Жилем Сандоном и установленной на хребте холма. Перед взором инспектора тянулись поросшие густым лесом горы, перекатывавшиеся из Квебека в Вермонт. Между горами петляла речушка Белла-Белла — серебряная ниточка в солнечных лучах.

А в долине раскинулась такая неприметная рядом с этим величием, скромная деревенька Три Сосны.

Арман не отворачивался от этого зрелища, но и не наслаждался им. Каждое утро этот крупный человек садился на деревянную скамью и склонялся над книгой. Читал.

Подойдя ближе, Клара Морроу увидела, как Гамаш сделал это снова. Он снял свои полукруглые

очки, закрыл книгу и сунул в карман. Закладка, что торчала между страницами, всегда оставалась на одном месте, почти в конце книги. На месте, к которому он приближался, но так и не мог добраться.

Арман не захлопывал книгу. Он позволял ей закрыться под силой тяжести. И насколько могла судить Клара, никак не отмечал место, где остановился. Ни старым рецептом, ни железнодорожным или авиабилетом. Будто это не имело значения. Каждое утро он начинал сначала. Подбирался к закладке все ближе и ближе, но всегда останавливался прежде, чем доходил до этой страницы.

И каждое утро Арман Гамаш засовывал тоненькую книжицу в карман легкой летней куртки, прежде чем Клара успевала прочитать название.

У нее появился бзик на почве книжки Гамаша. И его поведения.

Она даже спросила у него про эту книжку — примерно неделю назад, когда впервые подседа к нему на скамью, с которой открывался вид на старую деревню: «Хорошая книга?»

«Oui»¹, — сказал Арман Гамаш и улыбнулся, смягчая свой грубоватый ответ. Немного смягчая.

Это было все равно что получить легкий толчок от человека, который редко отваживал людей.

Нет, подумала Клара, глядя на его профиль. Он не оттолкнул ее. Напротив, позволил остаться, но сам отступил на шаг. От нее. От ее вопроса. Взял свою затрепанную книжицу и отступил.

Его послание было ясным. И Клара его поняла. Хотя это не означало, что она должна подчиниться.

Арман Гамаш окинул взглядом летний лес с его сочной зеленью и горы, катившиеся в бесконечность. Потом опустил глаза на деревню в долине, словно по-

¹ Да (фр.).

ставленную на ладонь древней руки. Стигмат на квебекских просторах. Но не рана, а чудо.

Каждое утро он отправлялся на прогулку со своей женой Рейн-Мари и немецкой овчаркой Анри. Гамаш швырял вперед теннисный мячик, но искать его в конечном счете приходилось либо самому Гамашу, либо Рейн-Мари, потому что Анри отвлекался то на падающий листик, то на мошку, то на голоса у него в голове. Пес кидался за мячиком, потом вдруг останавливался и смотрел куда-то в пространство, двигая гигантскими, похожими на спутниковые тарелки ушами. Будто настраивался на чье-то послание. Без напряжения, но с недоумением. Гамаш знал, что так же ведут себя люди, когда в порывах ветра улавливают любимую мелодию. Или знакомый голос, доносящийся издалека.

Наклонив голову, Анри прислушивался с глуповатым выражением на морде, пока Арман и Рейн-Мари выполняли команду «апорт».

Тихо сидя на августовском солнышке, Гамаш думал о том, что в этом мире все в порядке.

Наконец-то.

Вот только у Клары, каждое утро подсаживающейся к нему на скамью, что-то неладно.

Может быть, она замечает, как он в одиночестве поднимается сюда после ухода Рейн-Мари и Анри, и думает, что ему тоскливо одному? Хочет составить ему компанию?

Нет, вряд ли. Клара Морроу, ставшая им очень близким другом, знала Гамаша слишком хорошо, чтобы руководствоваться такими соображениями.

Нет. Она приходила сюда по каким-то своим причинам.

Любопытство Гамаша с каждым днем росло. И он почти убедил себя, что оно не имеет ничего общего со старушечьей манерой совать нос в чужие дела.

Всю свою профессиональную жизнь старший инспектор Гамаш задавал вопросы и искал ответы. И не просто ответы, а факты. Но гораздо более неуловимыми и опасными, чем факты, было то, что он искал на самом деле, — чувства. Потому что именно чувства направляли его к истине.

И если кого-то истина могла сделать свободным, то тех людей, которыми занимался Гамаш, она приводила в тюрьму. Иногда на всю жизнь.

Арман Гамаш считал себя скорее исследователем, чем охотником. Его задачей было проникнуть в суть дела. И то, что он обнаруживал, до сих пор приводило его в изумление.

Как часто он допрашивал убийц, рассчитывая встретить каменное сердце и прогнившую душу, а вместо этого находил заблудшую добродетель.

Он, конечно, все равно арестовывал их. Но готов был согласиться с сестрой Приджин¹ в том, что ни один человек не может быть так же плох, как самые худшие его деяния.

Арман Гамаш повидал в своей жизни немало плохого. Однако он видел и много хорошего. Причем зачастую в одном и том же человеке.

Он закрыл глаза и подставил лицо нежаркому утреннему солнцу. Те дни для него закончились. Теперь он сам себе хозяин. Можно отдохнуть и подумать о собственной душе.

Искать больше не нужно. Он нашел то, что искал, здесь, в Трех Соснах.

Ощувив присутствие Клары, Гамаш открыл глаза, но не повернулся к ней, а продолжил наблюдать за просыпающейся внизу маленькой деревней. Он увидел, как его друзья и новые соседи выходят из дома в свои ухоженные садики или идут через деревенский

¹ *Сестра Хелен Приджин* (р. 1939) — католическая монахиня, известная своими выступлениями за отмену смертной казни.

луг в бистро, чтобы позавтракать. Он увидел, как Сара открыла пекарню. Она начала работать еще до рассвета — пекла багеты, круассаны, *chocolatine*¹, а теперь пришло время продавать их. Сара остановилась, вытирая руки о передник, и поздоровалась с месье Беливо, который тоже открывал свой магазин. Уже несколько недель Арман Гамаш каждое утро сидел на этой скамье и наблюдал, как те же самые люди совершают те же самые действия. Деревня жила в ритме музыкальной пьесы. Возможно, именно это и слышал Анри. Музыку Трех Сосен. Своеобразный напев, гимн, успокаивающий ритуал.

Жизнь старшего инспектора никогда не подчинялась какому-либо ритму. Каждый день был непредсказуемым, и Гамаша это вполне устраивало. Он считал, что такая жизнь отвечает его натуре. Он никогда не знал рутины. До последних месяцев.

У него были определенные опасения насчет того, что эта благодатная рутина может деградировать до банальности и превратиться в скуку. Но пока жизнь шла в другом направлении.

Повторы действовали на него благотворно. Чем крепче он становился, тем больше ценил заведенный распорядок дня, который не ограничивал его, не сажал в клетку, а, наоборот, освобождал.

Хаос выпустил на волю разные неприятные истины. Чтобы во всем разобраться, требовался покой. Сидя в этом тихом месте на ярком солнышке, Арман Гамаш наконец-то мог пристально изучить все, что упало на землю. Как недавно упал он сам.

Он ощутил у себя в кармане малый вес и объем книги.

Внизу, в деревне, Рут Зардо вышла, прихрамывая, из своего убогого дома в сопровождении утки Розы. Старуха осмотрелась и повернулась к грунтовой пыли-

¹ Пирожки с кремом и шоколадом, квебекское лакомство.

ной дороге, ведущей из деревни. Гамаш видел, как Рут переводит взгляд своих старых глаз стального оттенка все выше и выше. Наконец их глаза встретились.

Рут приветственно вскинула руку с выступающими венами. И, словно подняв флаг деревни, выставила недрогнувший средний палец.

Гамаш чуть поклонился, давая понять, что видит ее жест.

В этом мире все было в порядке.

Кроме...

Он посмотрел на растрепанную женщину, сидящую рядом с ним.

Почему Клара пришла сюда?

Клара отвернулась. Она не могла взглянуть ему в глаза, зная о том, что собирается сделать.

Она хотела сначала поговорить с Мирной. Спросить у нее совета. Но потом поняла, что это было бы попыткой переложить на другого ответственность за собственный поступок.

Впрочем, скорее уж она боялась, что Мирна ее остановит. Посоветует не делать того, что она задумала. Скажет, что это несправедливо и даже жестоко.

Клара и сама это знала. Потому-то и собиралась так долго.

Каждый день она приходила сюда с четким намерением сказать кое-что Арману. И каждый день дрейфила. Или, что более вероятно, лучшие ангелы ее души натягивали вожжи и удерживали ее. Пытались остановить.

И это срабатывало. Пока.

Каждый день она болтала с ним о пустяках, а потом уходила, исполненная решимости не являться сюда завтра. Она давала обещание себе, всем святым и ангелам, всем богам и богиням, что больше не вернется сюда.

Однако на следующее утро то ли волшебство, то ли чудо, то ли проклятие приводило ее на эту жесткую кленовую скамейку. И Клара снова смотрела на Армана Гамаша. Любопытствовала, что за тонкая книжица у него в кармане. Глядела в его задумчивые темно-карие глаза.

Он набрал вес, и слава богу. Значит, Три Сосны делали свое дело. Он здесь исцелялся. Гамаш был высок, и ему требовалась более крепкая оболочка. Не тучная, но прочная. Он теперь меньше хромал, и его походка приобрела живость. Лицо утратило серый оттенок, зато волнистые каштановые волосы почти совсем поседели. Клара подозревала, что к своим шестидесяти годам — а до этого оставалось всего ничего — он станет совсем седым.

Возраст оставил следы на его лице. Следы забот, тревог, волнений. И боли. Но самые глубокие морщины оставил смех. Вокруг глаз и рта. Радость проникла глубже всего.

Старший инспектор Гамаш. Бывший глава отдела по расследованию убийств Квебекской полиции.

И просто Арман. Ее друг. Тот, кто переехал сюда, чтобы уйти от прежней жизни, от всех этих смертей. Не прятаться от скорбей, но перестать копить их. И в этом тихом месте изучить то бремя, что давит плечи. А затем начать избавляться от него.

Как сделали все они.

Клара встала со скамьи.

Это было выше ее сил. Она не могла переложить свой груз на плечи этого человека. Ему хватало своей ноши. А она должна нести свою.

— Сегодня обедаем вместе? — спросила она. — Рейн-Мари нас приглашала. Может, даже в бридж сыграем.

Игра в бридж всегда планировалась, но дело до нее доходило редко. Они предпочитали молчать или

тихо беседовать в саду за домом Гамаша, пока Мирна ходила между растениями, объясняла, какие из них сорняки, а какие — многолетники, возрождающиеся из года в год. Долгожители. И какие цветы — однолетники, которым предназначено умереть после великолетия короткой жизни.

Гамаш поднялся на ноги, и Клара снова увидела вырезанные на спинке скамьи слова. Их не было, когда Жиль Сандон устанавливал ее. Жиль клялся и божился, что он их не вырезал. Надпись появилась сама собой, как граффити, и никто не признавался в авторстве.

Арман протянул руку. Поначалу Клара подумала, что он хочет попрощаться. На удивление официальный, завершающий жест. Потом она заметила, что Гамаш держит руку ладонью вверх.

Он ждал, что она положит свою руку в его.

Она так и сделала. Почувствовала, как мягко сомкнулись его пальцы. Посмотрела ему в глаза.

— Почему вы здесь, Клара?

Она неожиданно села и снова ощутила под собой твердое дерево скамьи, которое не столько поддерживало ее, сколько не давало упасть.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Как вы думаете, о чем они говорят?

Оливье поставил перед Рейн-Мари ее заказ: французские тосты со свежими ягодами и кленовым сиропом.

— Я бы предположила, что об астрофизике, — ответила она, глядя в его красивое лицо. — А может, о Ницше.

Оливье проследил за ее взглядом, направленным в сводчатое окно.

— Вы ведь поняли, что я спрашивал о Рут и ее утке? — сказал он.

— И я о них же, mon beau¹.

Оливье рассмеялся и пошел обслуживать других клиентов быстро.

Рейн-Мари Гамаш сидела на своем привычном месте. Она вовсе не собиралась делать это место привычным, но так уж получилось. В первые несколько недель после переезда в Три Сосны они с Арманом садились на разные места за разными столиками. И каждое место, каждый столик действительно были разными. Не просто по своему местоположению в старом бистро, но и по стилю мебели. Вся мебель была старинная, вся выставлена на продажу, о чем сообщали прикрепленные к ней ценники. Что-то было изготовлено из старой квебекской сосны, что-то принадлежало к Эдвардианской эпохе — набивные кресла с высокими «ушастыми» спинками. Тут даже можно было увидеть набор современных изделий середины двадцатого века. Изящная и удобная мебель из тикового дерева. Все это собрал Оливье и скрепя сердце терпел его партнер Габри. Терпел, пока Оливье держал свои находки в бистро и не вмешивался в управление и обстановку их маленькой гостиницы.

Оливье был стройным и аккуратным, сознательно одевался практично и удобно. Каждый предмет его гардероба должен был поддерживать его образ непринужденного, любезного и в меру благополучного хозяина. У Оливье все было в меру. Кроме Габри.

Рейн-Мари казалось странным, что, невзирая на приверженность к строгому, элегантному стилю, Оливье превратил свое бистро в пестрый образчик эклектики. Однако его заведение вовсе не производило впечатления загроможденного и не вызывало приступа

¹ Мой красавец (*фр.*).

клаустрофобии. Вы приходили туда как в дом поездившей по свету эксцентричной тетушки. Или дядюшки. Человека, который знал условности, но сознательно их нарушал.

В обоих концах длинного светлого зала располагались большие каменные каминные поленья, уложенные в них, в теплую летнюю погоду ждали осеннего похолодания, а зимой потрескивали, и язычки пламени весело плясали, прогоняя темноту и трескучий мороз. Даже сегодня Рейн-Мари ощущала в воздухе слабый привкус дыма, витавшего здесь подобно то ли призраку, то ли ангелу-хранителю.

Эркерные окна выходили на дома Трех Сосен, на сады с цветущими розами, лилейниками, клематисами и другими растениями, о которых Рейн-Мари только-только начинала узнавать. Дома стояли вокруг деревенского луга, в центре которого росли три сосны, возвышавшиеся над поселением. Три высоченных шпиля, давшие название деревне. Не какие-то обычные деревья — их посадили более двух столетий назад, чтобы люди, бежавшие от войны, сразу видели: здесь можно остановиться.

Здесь безопасно. Здесь вы найдете убежище.

Трудно было сказать, дома ли защищают деревья, или наоборот.

Прихлебывая кофе с молоком, Рейн-Мари Гамаш наблюдала за Рут и Розой, которые о чем-то болтали на скамейке в тени трех сосен. Они говорили на одном языке — безумная старая поэтесса и гуляющая вперевалочку утка. И обе, похоже, знали одну-единственную фразу: «Фак, фак, фак».

«Мы любим жизнь, — подумала Рейн-Мари, глядя на Рут и Розу, сидящих рядышком, — не потому, что мы привыкли жить, а потому, что привыкли любить».

Ницше. Как бы посмеялся над ней Арман, если бы узнал, что она цитирует Ницше, пусть даже про себя!

«Сколько раз ты поддразнивала меня, когда я цитировал кого-нибудь?» — рассмеялся бы он.

«Ни разу, дорогой. Что там говорила Эмили Дикинсон о поддразнивании?»

Он посмотрел бы на нее строго, а потом выдал бы какую-нибудь абракадабру, приписав ее Дикинсон, или Прусту, или Фреду Флинстону¹.

«Мы привыкли любить».

Наконец-то они были вместе и в безопасности. Под защитой сосен.

Взгляд Рейн-Мари неизбежно поднялся к вершине холма, к скамье, на которой тихо сидели Арман и Клара. Молча.

— Как по-вашему, о чем они молчат? — спросила Мирна.

Эта крупная чернокожая женщина удобно устроилась в старинном кресле напротив Рейн-Мари. Она пришла со своей кружкой чая из книжного магазина, расположенного за стеной, и заказала мюсли и свежевыжатый апельсиновый сок.

— Арман и Клара или Рут и Роза? — спросила Рейн-Мари.

— Ну, о чем говорят Рут и Роза, мы знаем, — заметила Мирна.

— Фак, фак, фак, — в один голос проговорили женщины и рассмеялись.

Рейн-Мари отрезала кусочек тоста и снова посмотрела на вершину холма:

— Она подсаживается к нему каждое утро. Арман тоже в недоумении.

¹ *Фред Флинстон* — персонаж мультипликационного фильма «Флинстоны».

— Вы не думаете, что она пытается его соблазнить? — спросила Мирна.

Рейн-Мари покачала головой:

— Если бы собиралась, то прихватила бы с собой багет.

— И сыр. Хороший кусочек созревшего Tentation de Laurier¹. Такого жирного, со слезой...

— А вы не покупали у месье Беливо новый сыр Le Chevre des Neiges?² — спросила Рейн-Мари, сразу же забыв о муже.

— Боже, — простонала Мирна, — у него вкус цветов и свежей булочки. Прекратите. Вы что, пытаетесь меня соблазнить?

— Я? Вы первая начали.

Оливье поставил перед Мирной стакан сока и тосты.

— Мне опять придется поливать вас водой из шланга? — поинтересовался он.

— Désolé³, Оливье, — сказала Рейн-Мари. — Это моя вина. Мы говорили о сырах.

— В приличном обществе? Отвратительно, — поморщился Оливье. — Наверняка о фотографии сыра бри на багете, из-за которой Роберт Мэпплторп⁴ попал под запрет.

— На багете? — переспросила Мирна.

— Это объясняет пристрастие Габри к пище, богатой углеводами, — заметила Рейн-Мари.

— И мое пристрастие к такой пище, — добавила Мирна.

¹ Название канадского сыра с нежной корочкой, сделанного из свежих сливок.

² Сорт мягкого сыра, сделанного из смеси коровьего и козьего молока с добавлением инжира и апельсинов.

³ Прошу прощения (*фр.*).

⁴ Роберт Мэпплторп (1946–1989) — американский фотограф, известный, в частности, эротическими фотографиями цветов.

— Сейчас вернусь со шлангом, — предупредил Оливье, уходя. — И не рассчитывайте, что это эвфемизм.

Мирна намазала на толстый тост тающее масло и джем и вонзила в него зубы. Рейн-Мари тем временем отхлебнула кофе.

— Так о чем мы говорили? — спросила Мирна.

— О сырах.

— А до этого?

— О них. — Рейн-Мари кивнула в сторону мужа и Клары, молча сидевших на скамье над деревней.

Мирне было любопытно, о чем молчит эта парочка. Рейн-Мари тоже каждый день спрашивала себя об этом.

Скамейку придумала она. Маленький дар Трем Соснам. Она попросила Жилия Сандона, столяра-краснодеревщика, сделать скамейку и установить ее на том месте. Несколько недель спустя на ней появилась надпись. Вырезанная глубоко, изящно, аккуратно.

«Это ты сделал, топ соеиг?»¹ — спросила Рейн-Мари у Армана во время утренней прогулки, когда они остановились, увидев надпись.

«Non², — озадаченно ответил он. — Я думал, это ты попросила Жилия вырезать».

Они задавали этот вопрос многим: Кларе, Мирне, Оливье, Габри, Билли Уильямсу, Жилю. Даже Рут. Никто не знал, кто вырезал слова на скамье.

Каждый день во время прогулки они с Арманом проходили мимо этой маленькой загадки. Мимо здания старой школы, где Армана чуть не убили. Мимо леса, где убил Арман. Они оба остро ощущали это. Каждый день они разворачивались и шли назад

¹ Мое сердце (*фр.*).

² Нет (*фр.*).

в тихую деревню мимо этой скамьи. И мимо слов, вырезанных неизвестной рукой: «Удивленные радостью».

Клара Морроу поведала Арману Гамашу, почему она здесь. И чего хочет от него. А закончив, увидела в его задумчивых глазах то, чего боялась больше всего.

Страх.

Он появился из-за нее. Это она передала Арману собственные опасения.

Ей захотелось взять свои слова обратно. Стереть их.

— Я просто хотела, чтобы вы знали, — пробормотала она, чувствуя, что краснеет. — Мне нужно было сказать кому-нибудь. Все это... — Собственное многословие только усиливало ее отчаяние. — Я ни о чем вас не прошу. Не хочу втягивать. На самом деле это глупости. Я и сама справлюсь. Забудьте все, что я вам наговорила. — Но Кларе было ясно, что уже слишком поздно. Сказанного не вернешь. — Не берите в голову, — добавила Клара твердым голосом.

Арман улыбнулся. Улыбка коснулась самых глубоких морщинок у его глаз, и Клара с облегчением увидела, что страха в них больше нет.

— Я уже взял, Клара.

Она пошла назад вниз по склону, подставляя лицо солнцу и вдыхая теплый воздух с ароматом роз и лаванды. У луга она остановилась и повернулась. Арман снова опустился на скамью. Кларе стало любопытно, вытащит ли он из кармана книгу, но он не стал этого делать. Он просто сидел, положив ногу на ногу, придерживая одной большой рукой другую, задумавшись и явно расслабившись. Его взгляд был устремлен куда-то за долину. На горы вдали. На внешний мир.

«Все будет хорошо», — подумала Клара и пошла домой.

Но в глубине души Клара Морроу знала, что привела в действие какие-то тайные пружины. И увидела что-то в глазах Гамаша. В самой их глубине. Она не то чтобы внедрила это туда, скорее разбудила.

Арман Гамаш приехал сюда отдохнуть. Восстановиться. Ему был обещан покой. И Клара понимала, что нарушила обещание.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Звонила Анни, — сообщила Рейн-Мари, принимая из рук мужа джин с тоником. — Они немного опаздывают. Пятничные пробки на дороге из Монреаля.

— Они останутся на выходные? — спросил Арман.

Начав готовить барбекю, он вступил в сражение с месье Беливо за место у жаровни. Шансы Гамаша победить равнялись нулю, да он и не хотел побеждать, но чувствовал, что должен хотя бы изобразить видимость борьбы. Наконец он подписал капитуляцию, отдав владельцу магазина щипцы.

— Насколько мне известно, — ответила Рейн-Мари.

— Хорошо.

Что-то в его интонации зацепило ее слух, но сразу же исчезло, унесенное взрывом смеха.

— Богом клянусь, — проговорил Габри, клятвенно поднимая руку, — это дизайнерская одежда.

Он повернулся, чтобы они могли оценить его во всей красе. На нем были мешковатые слаксы и свободная рубашка цвета лайма, которая слегка колыхалась на ветру, пока он поворачивался.

— Я купил это в одном из аутлетов, когда мы в последний раз ездили в Мэн.

Габри, чей возраст приближался к сорока, а рост немного превышал шесть футов, отрастил изрядное брюшко давно: десятки тортов наполеон тому назад.

— Я не знала, что «Бенджамин Мур»¹ выпускает и одежду, — заметила Рут.

— Ой, как смешно, — фыркнул Габри. — Это, кстати, очень дорогие вещи. Разве они кажутся дешевыми? — воззвал он к Кларе.

— Они? — уточнила Рут.

— Ты комик, — сказал Габри.

— А ты гомик, — ответила Рут.

В одной руке она держала утку, а в другой — то, в чем Рейн-Мари узнала одну из своих вазочек, только наполненную виски.

Габри помог Рут снова усесться на стул.

— Тебе принести что-нибудь поесть? — спросил он. — Щенка или, может, зародыша?

— О, это было бы очень мило, дорогой, — откликнулась Рут.

Рейн-Мари прошла между друзьями, рассыпавшимися по саду, ловя обрывки разговоров на французском и английском, а чаще на смеси двух языков.

Она поискала взглядом Армана — ее муж внимательно слушал Винсента Жильбера, который рассказывал что-то. История, по-видимому, была забавной, вероятно самоуничижительной, потому что Арман улыбался. Затем он заговорил, жестикулируя стаканом пива.

Когда он закончил, Жильберы рассмеялись, а вместе с ними и Арман. Он поймал взгляд Рейн-Мари, и его улыбка стала еще шире.

Вечер был довольно теплым, но к тому времени, когда в саду зажгутся фонари, гостям могли понадобиться легкие свитеры и куртки, которые пока висели на спинках стульев.

Люди входили и выходили из дома, словно из своего собственного, расставляя еду на длинном столе,

¹ «Бенджамин Мур» — американская компания, выпускающая краски.

что стоял на террасе. Вечерние барбекю по пятницам в доме Гамашей успели войти в традицию.

Впрочем, мало кто говорил «дом Гамашей». В деревне его называли (а возможно, и всегда будут называть) домом Эмили, по имени женщины, которая жила здесь когда-то и у чьих наследников Гамаша его приобрели. Хотя для Армана и Рейн-Мари этот дом был новым, на самом деле он считался одним из самых старых в деревне. Обшитый вагонкой, с широкой верандой по фасаду, выходящему на деревенский луг. А позади дома были терраса и большой заброшенный сад.

— Пакет с книгами для вас я оставила в гостиной, — сказала Мирна.

— Мерсі, — ответила Рейн-Мари.

Мирна налила себе белого вина и тут обратила внимание на букет в центре стола. Высокий, пышный букет из множества цветов и листьев.

Мирна решила, что, пожалуй, не стоит говорить Рейн-Мари об обилии сорняков в букете. Здесь были все обычные «подозреваемые». Пурпурный вербейник, сныть. Даже обычный полевой вьюнок, выдающий себя за ипомею.

Она много раз пропалывала клумбы с Арманом и Рейн-Мари, помогала навести порядок в мешанине растений. Ей казалось, что она четко объяснила разницу между сорняками и садовыми цветами.

Значит, потребуется еще один урок.

— Красиво, правда? — спросила Рейн-Мари, предлагая Мирне кусочек копченой форели на хлебе.

Мирна улыбнулась. Горожане, что с них взять.

Арман отошел от Жильберов и оглядел гостей, проверяя, все ли получили то, что хотели. Его взгляд остановился на невероятной компании. Клара сидела вместе с Рут в дальнем углу сада, повернувшись спиной ко всем собравшимся.

Она не сказала ему ни слова с тех пор, как пришла сюда.

Его это не удивило. Удивило другое — решение Клары сесть рядом с Рут и ее уткой (хотя Гамашу частенько казалось, что правильнее было бы описывать эту пару как «Роза и ее человек»).

Общества Рут любой из присутствующих, включая Клару, стал бы искать по одной-единственной причине — если очень хотел, чтобы его оставили в покое. Рут была настоящей живой бомбой-вонючкой.

Правда, их уединение вскоре было нарушено. К ним подбежал Анри и устался на утку.

То была щенячья любовь в крайнем своем проявлении. Любовь, которую Роза не разделяла. Гамаш услышал рычание. Его издала Роза. Анри крикнул.

Гамаш сделал шаг назад.

Когда Анри издавал такой звук, ничего хорошего ждать не приходилось.

Клара встала и пошла прочь. Она двигалась в сторону Гамаша, но потом изменила направление.

Вокруг Анри сгустился запах тухлых яиц, и Рут наморщила нос. Пес невинно огляделся, словно пытаясь найти источник отвратительного запаха.

Рут и Роза устали на Анри с чувством, похожим на благоговение. Старая поэтесса сделала глубокий вдох, потом выдохнула, превращая токсичный газ в поэзию. И процитировала строки из своего знаменитого стихотворения:

Дар поднести тебе отравленный ты сам меня
заставил,

Иначе не расстанешься с тобой.

А тут как подаянье нищему —

На. Только уходи скорее. С глаз долой¹.

¹ Строки из сборника стихов «Утро в сожженном доме» канадской писательницы Маргарет Этвуд.

Однако Анри, сей отважный и газообильный пес, никуда не ушел. Рут с отвращением посмотрела на него, но протянула Анри руку, чтобы лизнул.

И Анри сделал это.

Арман Гамаш отправился искать Клару. Она медленно брела к двум садовым креслам в адирондакском стиле, стоявшим рядышком на газоне. На их широких деревянных подлокотниках за долгие годы появилось множество белесых кругов от мокрых стаканов с выпивкой. Эмили добавила к ним свои круги, а поверх них наложились круги Гамашей от утреннего кофе и дневного аперитива. Переплетение линий мирной жизни.

В саду у Клары стояли два почти таких же кресла. Они были чуть повернуты друг к другу и смотрели на бордюр из многолетников, на реку и дальний лес. И на их деревянных подлокотниках красовались такие же белесые круги.

Гамаш увидел, как Клара ухватилась за спинку кресла и оперлась на нее, прижимаясь к деревянным рейкам.

— Клара? — позвал он.

— Все хорошо.

Она лукавила. Он знал это. И она знала. Она надеялась, что, поговорив наконец с Гамашем, избавится от тревоги. Переложит часть груза на другого человека.

Но хотя она так и сделала, легче ей не стало. Напротив, ее груз удвоился. И еще раз удвоился, пока тянулся этот день. Рассказав все Гамашу, Клара сделала свой страх реальным. Придала ему форму. Выпустила его на свободу. И он стал расти.

Все подкармливало его. Запах барбекю, растрепанные цветы, поцарапанные и заляпанные старые кресла. И чертовы круги на подлокотниках. Такие же, как у нее дома.

Все, что прежде было тривиальным, знакомым, безопасным, все, что утешало, теперь казалось начиненным взрывчаткой.

— Ужин готов, Клара, — произнес Гамаш своим тихим низким голосом.

Она услышала, как шуршит трава под его ногами, и поняла, что осталась одна.

Все ее друзья собрались вокруг стола с угощением. А Клара стояла поодаль спиной к ним и смотрела на темнеющий лес.

Потом она почувствовала чье-то присутствие и увидела Гамаша, протягивающего ей тарелку.

— Присядем? — Он показал на кресла.

И Клара села. Они ели молча. Все, что требовалось сказать, уже было сказано.

Другие гости накладывали стейки и чатни себе на тарелки. Мирна продолжала улыбаться, глядя на сорняковую композицию посреди стола. Но улыбка ее угасла, когда она вдруг поняла, что композиция и в самом деле прекрасна.

Гости передавали друг другу вазы с салатом, и Сара подала месье Беливо самую большую из испеченных днем булочек, а он оплатил ей нежнейшим стейком. Они стояли, наклонившись друг к другу, почти соприкасаясь.

Оливье оставил одного из официантов старшим в бистро и присоединился к ним. Разговор, не прекращаясь, перескакивал с одной темы на другую. Солнце село, и гости начали надевать свитера и легкие летние пиджаки и куртки. На столе и повсюду в саду зажглись чайные свечи, похожие на больших светляков, утомившихся за день и присевших отдохнуть.

— После смерти Эмили, когда дом закрыли, я уже думал, что у нас здесь никогда не будет вечеринок, —

сказал Габри. — Я рад, что наконец хоть в чем-то ошибся.

Анри повернул свои уши-антенны на звук знакомого имени.

Эмили.

Пожилая женщина, которая нашла его в приюте, когда он был щенком. Она принесла его домой. Она дала ему имя, любила его, вырастила, а однажды исчезла, и тогда пришли Гамаши и забрали его. Многие месяцы он ждал ее. Принюхивался, не обнаружится ли где ее запах. Поднимал уши на звук подъезжающей машины. На стук двери. Ждал, что Эмили снова его найдет. Снова спасет и отвезет домой. Но в один прекрасный день он перестал ловить звуки. Перестал ждать. Он больше не нуждался в спасении.

Анри перевел взгляд на Розу. Она тоже любила одну пожилую женщину и страшилась, что ее Рут может когда-нибудь исчезнуть, как исчезла Эмили. И тогда она останется одна. Анри смотрел на нее и смотрел, надеясь, что Роза взглянет на него и поймет, что даже если ее опасения сбудутся, раненое сердце со временем залечится. Он хотел донести до нее, что лекарство не в злости, не в страхе, не в изоляции. Он сам их испробовал. И ничего не получалось.

Наконец Анри заполнил ту жуткую дыру единственным, что у него осталось. Тем, что ему дала Эмили. Отправляясь в долгие-долгие прогулки с Арманом и Рейн-Мари, он вспоминал свою любовь к снежкам, палочкам, катанию на спине в пахучих кашках. Свою любовь к разным временам года и их разным запахам. Свою любовь к грязи и чистой подстилке. К плаванию и остервенелому отряхиванию, когда лапы сами пускаются в пляс. К облизыванию себя, а потом — других.

И в один прекрасный день одиночество и печаль перестали занимать большую часть его сердца.

Пенни Л.

П 25 Долгий путь домой : роман / Луиза Пенни ; пер. с англ. Г. Крылова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 448 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-15001-0

Роман «Долгий путь домой» продолжает серию расследований старшего инспектора Армана Гамаша. Этот обаятельный персонаж создан пером Луизы Пенни, единственного в мире пятикратного лауреата премии Агаты Кристи.

После тяжелого ранения старший инспектор Арман Гамаш выходит в отставку и переезжает жить в деревню Три Сосны. Тихая размеренная жизнь, в которой нет места преступлениям и убийствам, вполне его устраивает. Однако и здесь ему не дают покоя. Соседка обращается к нему с просьбой разыскать ее мужа, художника Питера Морроу. Он уехал, чтобы разобраться в себе и своем творчестве, но обещал вернуться ровно через год. Прошли все сроки, а от Питера нет никаких известий. Призвав на помощь своего верного помощника Бовуара, Гамаш начинает новое расследование. Ему удастся выяснить, что Питер успел объездить всю Европу, побывать в самых невероятных местах, но цель этих перемещений остается непонятной. Известно лишь, что за это время им написано несколько очень странных картин. Затем беглец вернулся в Канаду, и его следы затерялись в квебекской глуши. Жив ли он? А если нет, то не стал ли жертвой преступления?

УДК 821.111-312.4
ББК 84(7Кан)-44

Литературно-художественное издание

ЛУИЗА ПЕННИ
ДОЛГИЙ ПУТЬ ДОМОЙ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Елена Терскова, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 27.12.2018. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 19,74. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MBD-23369-02-R